

Виталий Вульф:

Ника зовет меня Итальянском

фото Андрей Струнина

С мамой Еленой Львовной. Кисловодск, 1951 год

нас прекрасно научились переводить стрелки, совершать отвлекающие маневры, а что в действительности думают о происходящем верхи, знают лишь они. Хорошо бы поинтересоваться, но мы с вами лишены такой возможности. Хотя однажды я имел весьма продолжительную беседу с Владимиром Путиным.

— И как он вам?
— Человек ведет себя предельно осторожно и аккуратно.
— Когда вы встречались?
— Он еще занимал пост премьер-министра. Мы говорили про Фурцеву. Владимир Владимировича очень заинтересовала моя передача о Екатерине Алексеевне, он задавал вопросы.
— Специально ради этого вас пригласил?
— Мы встретились дома у Володи Спивакова, которого Путин любит. В тот раз он не смог побывать на концерте, но ближе к полуночи неожиданно приехал на квартиру к Спивакову. Там было много гостей, однако мы уединились четвером — Сати, Володя, я и... он.
— Владимир в квадрате.
— Поговорили около часа, и Путин уехал, ни с кем более не пообщавшись. Что могу сказать? Безусловно, человек умный, с очень внимательными глазами, умеющий слушать и

Я далек от политики, но лицо Михаила Борисовича Ходорковского мне нравится. Очень приятное, открытое.

вместе семь лет. Имени последнего ее мужа не помню, этот человек был далек от мира театра и сыграл в жизни Татьяны Васильевны не лучшую роль. Впрочем, главная страсть Дорониной — не мужчины, а сцена. Собственно, об этом я и попытался рассказать в передаче. Как мне казалось, она переполнилась любовью к Тане, но... В прессе на меня обрушился шквал критики. Якобы я осквернил святое для русского человека имя великой актрисы. Некоторые статьи отдавали явным антисемитским духом. Дорониная тогда промолчала, но на время мы прекратили переписываться. Потом встретились на похоронах Львова-Анохина и кинулись в объятия друг к другу, словно родные. Однако пирог уже перегорел: я стал иным, она другой...
Все мы меняемся с годами. Какие главные спектакли ставил раньше Роман Виктюк! А потом попал за границу и пришел от Запада в состоянии невменяемости. Человек потерял себя.
— А как вам сегодняшний Ленком?
— По-прежнему люблю Захарова, хотя и признаю: Марк Анатольевич зависим. Трудно, чрезвычайно трудно добиться внутренней свободы.
Проверка временем
— Но вы заставляете меня давать характеристики ныне здравствующим, а это всегда чревато. Я же привел примеры, сколь хрупкими бывают отношения, даже проверенные временем. Зачем подвергать их новым испытаниям? Лучше поговорить на какую-нибудь нейтральную тему. Да хоть о том же Сталине, вопросах о котором вы меня преследовали. Обратили внимание, что об этом человеке нередко рассуждают те, кто не жил при нем, родившись позже? Люди хотят стабильности, порядка и ищут в недавней отечественной истории фигуры, которую можно поднять на щит. Страна ведь балансирует на грани, относительно благополучие наблюдается лишь в столице, и нескольких крупных городах, в провинции народ бедствует и потихоньку

Он рассказывает о Зинаиде Райх, Илье Эренбурге, Уинстоне Черчилле и Бенито Муссолини так, словно играл с ними в одной песочнице. «Серебряный шар» без видимых остановок катится по телеэкранам второе десятилетие, а его, «Шара», создатель уверяет, что имеет в запасе историй еще лет на двадцать. Правда, о себе Виталий Вульф говорит нечасто. Если только по случаю юбилея, как сейчас. 23 мая Виталию Яковлевичу исполнилось семьдесят пять лет, а в эфир вышел сто пятидесятый выпуск программы...

Лицо России. В кавычках

— В дурные приметы не верите, Виталий Яковлевич? О сотом «Шаре» у вас ведь должны быть не самые приятные воспоминания.
— Почему? Меня наградили орденом Почета.
— После чего вы ушли с «Первого канала» на «Россию».
— Игра случая, не более. Уходил я абсолютно добровольно, никто меня не выгонял, не собирався закрывать передачу. Другое дело, что Коесте Эрнсту «Серебряный шар» был не слишком интересен, программа шла раз в месяц, почти без повторов. У руководства канала свой взгляд на развитие телевидения, оно превращает попсу и юмористов, считая, что сегодня это более востребовано народом. Вопрос вкуса, стратегии, но я стал тягаться недостатком внимания и сменил площадку. Олег Добродеев принял меня очень хорошо, сделал чуть ли не лицом России.
— В кавычках?
— Согласно правилам русского языка... Но главное даже не в этом. На «Россию» обстановка иная. За годы работы на «Первом канале» я ни разу не был в кабинете у Эрнста, десятый этаж «Останкино» с охраной у лифта ассоциировал с другой планетой. С Олегом Борисовичем встречаемся регулярно, без всяких проблем. В итоге я настроен соот-

ветствующе, рвусь в бой. Хотя, буду объективен, и прежде выходили интересные программы. О Фурцевой, Рузвельте, Дорониной. Когда шла передача о Черчилле, Костя даже позвонил мне домой. Единственный раз за девять лет...
— Говорят, Эрнст не оценил ваш цикл о диктаторах?
— Да, конфликт начался после программ о Муссолини, Тито и Еве Браун. Причем Костя не видел первых двух, но страшно разозлился из-за передачи о спутнице Гитлера.
— Может, проброшенная параллель между фюрером и его кремлевским коллегой не пришлась по вкусу?
— Ну что сейчас гадать? О Сталине я не стал ничего снимать совершенно сознательно. Не захотел.
— Или Радзинский монополизировал эту тему на «Первом канале»?
— Глупости! Прекрасно отношусь к Эдику, без всякой ревности. У каждого своя ниша. Например, оба делали программу о Тане Дорониной, но получилась ведь совсем по-разному.
— И «ТЭФИ» не мерились?
— Смешишь слушать! Я даже не присутствовал на церемонии, где мне присудили статуэтку. Ее потом передали. В конце концов, дело не в призах, а в отношении зрителей... Что касается передачи о Сталине, то я не желал говорить о человеке, кото-

«Я был жутко избалованным ребенком». Ученик первого класса Виталий Вульф

Черная кошка и сладкоголосая птица

— Знаете, с возрастом все чаще вспоминаются молодые годы. Детство у меня было замечательное! Мной занималась немецкая бонна Елизавета Августовна, я рос чрезмерно избалованным мальчиком, ни в чем не зная отказа. Если бы не мама, не забываящая, что к прыжкам прилагается кнут, могла бы приключиться беда. В стремлении удовлетворить любящие прихоти чада папа и тетя рисковали зайти далеко. Жизнь протекала под девизом «Все лучшее — детям!». Точнее, одному конкретному ребенку. К примеру, ежегодные каникулы в Кисловодске у меня начинались в мае, а заканчивались в сентябре.
— А школа?
— Для Беллы и Иды, моих теток, она не имела никакого значения!
— Войну вы провели где?

очень любила Галя Волчек, которая одно время часто бывала у нас дома. Но все проходит. Давно уже нет ни Ефремова, ни мамы. И моя дружба с «Современником» тоже в прошлом.
— Кто сыграл роль черной кошки?
— Галя — человек талантливый, умный, однако подверженный чужому влиянию. Ее легко настроить и за, и против. Однажды решила, будто я недоложен репертуарной политикой театра. Действительно, мне приходилось говорить критические слова. Абсолютно по делу. При этом Галя забыла, что в середине 80-х я единственный зашищал «Современник» от нападок. И Марина Неелова, в которой мы дружили четверть века, вдруг перестала мне звонить... Ну да бог с ними! Последние пять лет не общаемся, ведешь себя, словно чужие люди, я даже начал пропускать премьеры театра, чего прежде не случалось...
— В Баку. Помню затемнение 1942 года, угрозы бомбардировок. Ясно вижу концерт артистов МХАТа перед ранеными бойцами. Ольга Книппер играла сцену из «Дядюшкиного сна», а Василий Качалов изображал сразу и Сатина, и Барона в открытке из пьесы «На дне». Великие мхатовские старики... Я мечтал учиться в ГИТИСе, но по настоянию отца поступал на юрфак МГУ, был принят на первый курс, и началась нормальная студенческая жизнь.
— Поселились в общежитии?
— Да кто бы мне позволил? Съемная квартира, место в междугородном вагоне поезда Москва — Баку... Повару вагона-ресторана платились какие-то безумные деньги, чтобы он кормил мальчика до самой столицы. Вдруг оголодает в дороге! Когда мне сегодня говорят об избалованных чадах, только смеюсь. Посмотрели бы вы на меня! Правда, со смертью папы этот фейерверк закончился...
— Овдовев в 51 год, мама даже не пыталась еще раз выйти замуж, хотя замечательно выглядела, была женственна и красива. Помню, годы спустя Олег Ефремов говорил: «За твоей матерью, Виталий, можно отправиться на край света». Маму

ненавижу. Отвратительно, что ему собираются ставить памятники, что он снова ожил на театральной сцене...
— Не вы ли в начале 90-х читали в Нью-Йорке университетский курс «Сталин и театр»?
— Это совсем другое! В Америке ничего не знают о нашем театре и слабо представляют, кого в СССР называли «отцом народов». Приходились просвещать. Отработал в Штатах два года, мог еще остаться, но предпочел вернуться.
— Все-таки про отношение к Иосифу Виссарионовичу договорите, Виталий Яковлевич.
— Что он вам дался?! В нашем доме это имя было проклятым. Маминых братьев расстреляли, их жены отсидели в ГУЛАГе по восемнадцать лет каждая. Папу в 1948 году исключили из коллегии адвокатов, он не мог найти работу до смерти Сталина в 53-м. Когда это случилось, все вокруг рыдали, а родители не проронили ни слезинки.
— За что отца поразили в правах?
— Да ни за что! О борьбе с безродными космополитами слышали? Папа был очень известным бакинским адвокатом, потеря работы тяжело отразилась на его душевном состоянии, физическом здоровье. Он целыми днями ходил по столовой из угла в угол и не мог найти места. А мама давала частные уроки, чтобы добыть деньги на пропитание. Папа не сумел оправиться от удара, умер в январе 1956 года. После его смерти я часто навещал маму и всякий раз радовался, что люди помнят отца. Однажды ушел к таксисту и назвал адрес: «Улица Лейтенанта Шмидта, дом 8». Пожилой азербайджанец вдруг сказал: «Где жил Яков Сергеевич Вульф? Знаю». Минуту уже шесть лет после папиного ухода в мир иной...

— Я далек от политики, не берусь квалифицированно судить об этом, но лицо Михаила Борисовича мне нравится. Очень приятное, открытое. Впрочем, мы только что решили: это не всегда зеркало души.
— А если вспомнить вашу первую профессию — адвоката, Виталий Яковлевич, взялись бы защищать такого клиента?
— Куда мне? Я сорок лет не практиковал... Но коль уж коснулись этой темы, скажу: мне не нравится, что среди адвокатов появились звезды, блистающие перед телекамерами, раздающие интервью. Может, ошибаюсь, но не их это дело. Защитник должен биться в зале суда, проносить пламенные речи перед присяжными, а не журналистами. Самопиаром попахивает.
— А ваш родитель, извините, каким макаром известность приобрел?
— Тем самым, о котором говорю. Папа никогда не давал интервью, но народ к нему валом шел толпами, знал, что Вульф творит чудеса в суде.
— Паблсити — самая большая беда века. Ради этого люди готовы идти на все. Это говорю я, человек публичный. Наверное, чтобы избежать головокружения от успехов, нужна иная закуска. Не скрою, перед вами — эгоист, даже эгоцентрик, но не стремящийся удовлетворить собственные амбиции за чужой счет. Я стал очень трезвым, расудительным. Помните, у Ахматовой? «Так много камней брошено в меня, что ни один из них уже не страшен...» В моей жизни приключилось немало того, о чем можно не жалеться, но какой смысл сожалеть о невозвратном? Лучше ценить настоящее. Скажем, дожив до 75 лет, я вдруг ощутил радость от общения с ребенком. Всегда боялся маленьких детей, своими не обаявшись, а тут неожиданно подружился с внучкой Александра Чеботаря, моего приятеля. Ника — сказочное существо! Она называла меня Итальяком. Недавно выдала фразу: «Мне так тебя жалко!» Я забеспокоился: «Что случилось?» Ника продолжила: «У Итальяка нет игрушек». Хотел ответить, что давно ни во что не играю, а потом подумал и понял: девочка права.
— Исправлю упущение?
— Да, пошел в магазин и купил. Теперь играем вместе...
■ Андрей Ванденко.

«Дорониная бывает разной: то ошеломляет необыкновенным умом, то, извините, такое удудит, что...»